

ОЛЕГ КОЛМАКОВ

КАТЕХОН

ТРУП В ПОДВАПЕ
ТРИНАДЦАТОГО ДОМА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Колмаков
Катехон. Труп в подвале
тринадцатого дома

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43436412

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-06807-0

Аннотация

Казалось бы, самое обычное уголовное дело – убийство в подвале жилого дома. Чистой воды «бытовуха». Однако копнув чуть глубже, оперативный сотрудник натывается на целый шлейф социальных проблем, на явные дыры в российском законодательстве, создающие благоприятные условия для организации преступных групп новой формации...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Катехон. Труп в подвале тринадцатого дома.	4
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Олег Колмаков

Катехон. Труп в подвале тринадцатого дома

Катехон. Труп в подвале тринадцатого дома.

Все имена и события вымышлены. Любое совпадение или аналогия с реальной жизненной ситуацией, абсолютно случайны. Просьба рассматривать данное произведение, как плод воображения автора, как чисто литературный продукт.

Катехон (греч. о κατέχων, «удерживающий») – в христианской эсхатологии, нечто, временно существующее в материальном мире и препятствующее установлению власти Антихриста, после которой наступит конец света и Второе пришествие.

Основанием для понятия являются слова апостола Павла во Втором послании его к Фессалоникийцам.

«Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придёт, пока не придёт прежде отступление и не откроется человек

греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святыней, так что в храме Божьем сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьёт духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякой силой и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за это пошлёт им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду».

Глава 1

Лето. Середина июля. С самого утра достаточно душно. Полное соответствие нашему сибирскому резко-континентальному климату. Это когда зимой минус сорок и летом те же сорок, только со знаком плюс. Короче, жара. Ко всему прочему, сегодня ещё и понедельник. Меж тем, я проснулся с жутчайшего похмелья.

Нет-нет, вы только не подумайте ничего такого. Я вовсе не алкаш. Просто так вышло. В субботу отмечал с сослуживцами присвоение очередного звания. Кстати, теперь я подполковник полиции, Васильев Николай Михайлович.

Звание высокое, правда, толку от него вовсе никакого. Скажу больше, сплошное разочарование. Дело в том, что в нашем отделе нет должности, соответствующей моему новому званию. А впрочем, я несколько погорячился. Должности, конечно же, имеются. Ну, там, начальник отдела; его первый зам... Речь же сейчас идёт о свободных должностях, которых в отделе нет. В нашей системе так принято: в завершении служебной карьеры, дать сотруднику очередное звание без должности. Фактически, ты становишься первым кандидатом на увольнение (при каком-либо сокращении штатов или иной реорганизации). Таким незамысловатым и в то же время весьма почётным образом у нас иногда

«сплавляют» чуть подзадержавшихся «старичков». Имею в виду заслуженных ветеранов правоохранительных органов, к которым с недавних пор отношусь и я.

В данной практике имеется определённая справедливость. Пожалуй, я действительно несколько пересидел на своей нынешней службе. Ведь, если не считать всё того же начальника отдела (фактически моего ровесника), то из нынешних ребят нет никого даже близкого мне по возрасту, сплошь двадцати пяти – тридцатилетние пацаны. Нечета моему, без малого, «полтиннику». Я им как отец родной, а не коллега.

Моя молодость пришлась на эпоху лихих девяностых, когда Россию рвали на куски, как извне, так и изнутри; когда из каждого утюга гремели «Кар-Мен», «Кино» и «Ласковый май». Увы, всё это... Имею в виду всевозможные ОПГ, рейдерские захваты, бандитский передел территорий и собственности, остались в далёком прошлом. Нынче совсем иная «музыка». Тогда как мой нынешний выезд на осмотр места преступления был, что называется: определяющим. Что-то вроде «дембельского аккорда», венчавшим мою ментовскую карьеру. По завершению данного дела, уж точно: милости просим на заслуженный отдых. За мной, конечно же, числились и иные дела опер учёта. Очень скоро, вместе с остальной документацией я передам их своему преемнику. А вот с «дембельским аккордом» – тут, брат, иной расклад. Здесь мне придётся попотеть, выложиться, показать

«мастер-класс» и довести дело до своего логического завершения. Ну, а чтоб «отец родной» случаем не облажался, чтоб сумел он с блеском завершить своё последнее (извиняюсь, крайнее) дело, а заодно и передать весь свой оперской опыт молодому поколению – мне нынче подогнали не самое сложное дельце, которое уж точно не осядет в архивах, на одной полке с самыми непроходимыми «глухарями». Так, чтоб уйти я мог из отдела с гордо поднятой головой и с чистой совестью.

Повторюсь, позавчера мы всем отделом отмечали моё новое звание, вчера опохмелялись лишь избранным кругом. Да так наопохмелялись, что перепили субботу. Потому сегодня и чувствовал я себя не совсем в своей тарелке. Это по молодости я мог пить хоть всю неделю, а тут возраст, который даёт о себе знать едва ли не ежечасно. Пожалуй, действительно, уже пора уходить на заслуженный отдых.

По всем правилам, на место преступления должен выезжать следователь. Однако в системе МВД так уж повелось, что следователь – это сугубо кабинетный работник, который, как правило, в шесть вечера уже дома. И субботу, и воскресенье, как и иное свободное время, он проводит с семьёй. Тогда как на осмотр места преступления чаще всего выезжает именно опер, то есть, я. Либо кто-то из моих коллег. Тем более что закон позволяет так делать. Следаки находят массу причин, дабы увильнуть от выезда на осмотр места пре-

ступления.

Учитывая вышеизложенное, у оперуполномоченных свободного времени очень и очень мало. Быть может, именно поэтому семейная жизнь оперативного работника почти всегда не складывается так, как того бы хотелось. Вот и я, последние лет пять живу один. У оперов вообще, самая грязная работа. Ведь вычисляет преступника, находит и задерживает его именно опер. Засада, задержание, «раскол» преступника – все это наша, оперская работа. Подавляющую часть совершённых преступлений раскрываем именно мы. Служба интересная, но весьма рискованная, потому и имеет массу подводных камней. Непосредственный контакт с преступником очень часто оборачивается для оперативника ранением, либо иным причинением вреда здоровью. Нашего брата, достаточно легко обвинить в каком-нибудь превышении должностных полномочий. Потому как действовать по закону, подчас, не всегда получается. Точнее, действуя по закону, ни черта не добьёшься.

Кроме того, тесное общение с представителями криминального мира может послужить источником многочисленных коррупционных соблазнов. Потому оперуполномоченные проверяются «на вшивость» гораздо чаще тех же следователей. За операми неустанно наблюдают представители службы собственной безопасности. Как не печально, но презумпция невиновности (случись чего) – это не для оперов. Мы виновны по умолчанию. Начальству так спокой-

нее. Ведь попавшего в непонятную ситуацию оперативного сотрудника, проще уволить, чем отвечать за «некачественное воспитание личного состава». После беготни по грязным подворотням опер обязан ещё и заниматься бесконечными, подчас бессмысленными бумагами, количество которых превышает бумагооборот средней канцелярии, как минимум вдвое. Причём, всё успеть, всё оформить и заполнить – просто нереально. Поэтому у каждого настоящего опера, как правило, имеется хотя бы одно неснятое дисциплинарное взыскание. Впрочем, все эти минусы с лихвой компенсируются интересной и вовсе нескучной работой, кое-какой романтикой, чувством авантюры и приключения. Пожалуй, именно поэтому я и отслужил в оперативном отделе более двадцати лет. Точнее, не отслужил, а прожил в нём лучшие годы своей жизни.

На место убийства я прибыл со своим помощником Семёном Никитиным, которому в самое ближайшее время я и должен буду передать все свои дела, полномочия и ключи от сейфа. Семёну двадцать семь лет. Имеется у него и кое-какой оперской опыт. Как-никак, а уж третий год в отделе. Серьёзен, рассудителен, дотошен, при этом вовсе ненавязчив. Короче, этот парень мне по душе. Именно поэтому я с лёгкостью покину своё нынешнее служебное место, передав ему все свои связи и оперативные контакты, заранее зная, что будет обеспечена надёжная преемственность поколений.

Микрорайон, в который мы нынче прибыли располагался на самом отшибе городской черты. Дальше него лишь чистое поле, какие-то дачные участки и военные полигоны. Весь микрорайон состоит из десяти – двенадцати многоэтажек, относящихся к категории новостроек, без какой-либо необходимой инфраструктуры. В подобные жилые конгломераты обычно расселяют переселенцев из ветхого жилья, каких-то малоимущих, многодетные семьи, предоставляют жильё социального найма. Как правило, вышеозначенный, весьма специфичный контингент (то есть, бывшие жители бараков и всевозможных трущоб), переносит на новое место жительства свой прежний жизненный уклад. Потому, очень скоро подобные микрорайоны превращаются в наркоманские и алкогольные гетто. И ничего ты уж тут не поделаешь – такова статистика и информация суточных оперативных сводок. Об этом же говорит и мой личный служебный опыт.

Дом под номером тринадцать, во дворе которого остановилась наша машина, выглядел сравнительно новым. Минус не более пяти лет со дня сдачи его в эксплуатацию. Современная двух подъездная девятиэтажка. Дворик чистый, ухоженный. Впрочем, бросалась в глаза и некоторая запущенность. Как будто трава не кошена. Точнее бурьян, поднявшийся едва ли, не по пояс, и ещё пара-тройка мозолящих глаз недостатков, несколько портящих целостность благопристойной картины. По привычке я осмотрел стены до-

ма и обратил внимание на наличие видеокамер по всему периметру здания. Данное обстоятельство практически всегда упрощало раскрытие преступления. У одного из спусков в подвальное помещение толпились люди. Любопытных человек двадцать. Это были обычные жильцы, кто-то в домашних халатах и домашних же тапочках. Люди что-то обсуждали, чего-то ожидали, наверняка, искали темы для дальнейших пересудов и обсуждений.

– Здравия желаю!.. – руку мне протянул кто-то из офицеров дежурного наряда. – ...Товарищ майор, прошу проследовать со мной!

– Не майор, а подполковник! – мне пришлось огрызнуться с определённым для себя удовольствием.

Прошли сквозь расступившуюся людскую толпу, спустились в подвал и тотчас погрузились в полумрак подсобных нежилых помещений. Потолок подвала оказался достаточно высоким, потому и пройти по нему можно было в полный рост. Это вам не советские пятиэтажки, где проползти по техническому подполью возможно, если не в полуприсяде, то, уж точно, изогнувшись в три погибели.

Хоть и был данный подвал относительно сухим, тем не менее, ощущался устойчивый запах сырости. А ещё здесь было прохладно. Да-да, именно эта прохлада и была мне нынче столь необходимо. Прохлада и лёгкий освежающий ветерок, просачивающиеся через настежь открытые подвальные окна и двери, дабы мой, истерзанный абстинентным синдромом

организм, мог погрузиться, хоть в какой-то относительный комфорт.

Пришлось пройти ещё метров двадцать по подвальному полумраку, мимо людей в полицейской форме, в официальных костюмах и обычных спецовках. И вот мы уже стоим перед телом мужчины, лежащим на грязном земляном полу в несколько неестественной позе. Одежда на трупе выглядит чрезвычайно растрёпанной, если не сказать рванной, будто бы за ним гналась стая бродячих собак. На груди багровое пятно от запёкшейся крови. Мужчине около сорока – сорока пяти.

– Почему так темно? – поинтересовался я, оглядывая потолок подвала.

– Все лампочки перебиты! – ответил мне кто-то.

– Ну, и что мы имеем? – быстро сообразив, что светлее не станет, я перешёл к делу.

– Смерть наступила примерно между двумя часами ночи и четырьмя часами утра!.. – криминалист Никита Толстов приступил к своему обычному докладу. – ...Проникающее ножевое ранение в область сердца. Орудия убийства... То есть, ножа, либо иного острого предмета на месте преступления не обнаружено. Очевидно, преступник предпочёл оставить его при себе. На теле убитого многочисленные синяки и травмы.

– Надо полагать, была драка? – уточнил я, сразу по ходу повествования.

– О какой-либо драке, я бы предпочёл промолчать! На теле имеются многочисленные кровоподтёки, свидетельствующие о том, что убитого куда-то волокли. Возможно, в этот самый подвал. Однако это мелочи. На костяшках рук погибшего многочисленные ссадины с примесью кирпичной пыли. Примерно тоже самое на коленях и голове!.. – чуть усмехнувшись, продолжил Никита. – ...Очевидно, перед смертью он молотил по подвальным стенам руками и ногами. Бился о стены головой!.. Смертельный удар был нанесён достаточно профессионально, точно в сердце. Скорее всего, нож вошёл в тело по самую рукоятку. Впрочем, погибший и сам мог на него налететь. Перед своей смертью он прибывал в приличном подпитии.

Труп обнаружили около восьми часов утра. Слесарь управляющей компании, спустившийся в подвал, в буквальном смысле наткнулся на данное мёртвое тело!..

– Личность погибшего установили? – поинтересовался я, улучив короткую паузу.

– Убитым является некто Ярош Сергей Николаевич, одна тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рождения!.. – ответил офицер дежурного наряда. – ...Проживал в этом самом доме, в тридцать первой квартире с женой и дочерью. Работает... То есть, работал на железной дороге. Профессия не связана с какой-либо высокой квалификацией. Ни то сцепщик вагонов, ни то, какой-то заливщик чего-то там!..

– Камеры видеонаблюдения успели просмотреть? – по-

интересовался я, припомнив фасад здания, обустроенный средствами видеонаблюдения.

– Видеонаблюдение на доме отсутствует!.. – продолжил отвечать всё тот же офицер. – ... Дело в том, что пару месяцев назад на доме сменилась управляющая компания. Возник спор между установщиками видеонаблюдения, компанией обслуживающей данное оборудование и новым советом дома. В общем, что-то они там не поделили. Потому, до разрешения споров, от видеонаблюдения предпочли отказаться.

– Хочешь, не хочешь, а невольно вспомнишь Профессора Преображенского из «Собачьего сердца»!.. – оглядывая труп, мне оставалось лишь усмехнуться. – ... Что там он говорил о разрухе? Дескать, это вовсе не старуха с клюкой, ни ведьма, которая выбила все стекла и потушила все лампы. Если профессор вместо того, чтобы оперировать, начнёт каждый вечер митинговать и петь хором, у него и настанет разруха. Если посещая уборную, кто-то начнёт мочиться мимо унитаза, в уборной так же наступит разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах. Глядя на этого убиенного, невольно задумаешься о том, что и здесь, кажется, началась та самая разруха!..

– Похоже, так оно и есть! – в подтверждение моих слов, усмехнулся Семён.

– Кто именно обнаружил труп? – по завершению визуального осмотра, я обернулся к присутствующим в подвале лицам.

– Слесарь Карпов, Сергей Анатольевич!.. – ответил мне местный участковый, капитан Воровский Максим Витальевич.

Невзирая на профессиональный этикет, я бы охарактеризовал данного участкового, как весьма скользкого и в определённой степени пакостного мужичка. За лет десять, что я знал Воровского, немало моих коллег по нелёгкой оперской службе успело от него пострадать. У таких полицейских, как Воровский на первом месте всегда будет отписка, ссылка на какой-то документ, подстава кого-то из оперсостава и, в конце концов, полный отказ в возбуждении того или иного уголовного дела. Вот уж точно, с кем должна поработать служба собственной безопасности по многочисленным фактам коррупции. Да, и с людьми он не шибко-то и ладит. Короче, в разведку с Воровским я бы уж точно не пошёл.

Из-за спин полицейских навстречу мне вдруг протиснулся худощавый мужчина лет пятидесяти пяти, в грязной спецовке с логотипом УК «Ваш-наш дом».

– Это я обнаружил тело!.. – взгляд Карпова был мутно-перепуганным. При этом в нос мне ударил довольно-таки стойкий запах свежего перегара. Меня и без того прилично подташнивало, а от столь резкого «выхлопа», едва не вывернуло. Кое-как удалось сдержаться. Отчасти меня спасло прохладное дуновение лёгкого сквознячка.

– Пил? – я в упор уставился на слесаря.

– Так ведь не каждый день в подвалах обнаруживаются

труппы!.. Страх-то, какой!.. Потому и принял на грудь. Так сказать: от нервов!

– Да ты, по ходу, нервы свои начал лечить ещё со вчера! То есть, задолго до обнаружения жмура!

– Не-не!.. Только вот-вот!

– Чёрт с тобой! Давай, рассказывай: как, когда и при каких обстоятельствах ты обнаружил убитого? – чуть отвернувшись в сторону, я поторопил слесаря. Мне не терпелось поскорее завершить только-только начавшийся диалог. Тем более что вряд ли я извлёк бы из него хоть какую-то дополнительную, полезную информацию.

– Да, чего тут рассказывать!.. – чуть помявшись, будто бы что-то припоминая, тихо заговорил слесарь. – ...Совершая утренний обход, около восьми часов утра, я вошёл в подвал. А он, красавчик, прямо перед дверью!.. По самому центру!..

– Не понял!.. – мне пришлось оборвать слесаря на полуслове. – ...Как это «перед дверью»? Я прошёл по подвалу метров тридцать, чтобы дойти до тупа!..

– Так тут три входа в подвал!.. – разулыбался Карпов. – ...Вы, гражданин начальник, вошли через третью дверь, а я через вторую. Она прямо за вашей спиной.

Я оглянулся и, действительно, мой взгляд упёрся в массивную металлическую дверь.

– Мы заперли этот вход от всякого рода зевак и посторонних! – поспешил с пояснениями участковый Воровский.

– Ничего подозрительного не заметил? – я вновь обратил-

ся к слесарю.

– Поначалу подумал, будто бы он пьян!.. Наклонился, потряс его за плечо: дескать, вставай, уже утро!.. Ну, а когда понял, что парень совсем холодный, до смерти перепугался! Тут уж не до подозрительных моментов мне было. Выскочил из подвала и сразу позвонил Максиму Витальевичу, нашему участковому!.. – взгляд слесаря нашёл в толпе Воровского.

– Я немедленно вызвал дежурный наряд! Ну, и сам поспешил на место преступления! – показания Карпова подтвердил участковый.

– Как он вообще, сюда попал?.. – очередной вопрос я задал в более жёсткой форме. – ...По-моему, технические подполья и технические этажи являются служебными помещениями. Вход посторонним сюда строго настрого запрещён!

Слесарь опустил взгляд куда-то в пол и молча пожал плечами. Я огляделся, окинув подвал беглым взглядом. В поле моего зрения тотчас попали несколько сеток с картошкой, какие-то коробки, пара комплектов зимней резины и прочая бытовая утварь, вовсе не имевшая отношения к коммунальным службам.

– Так! Попробуем поставить вопрос в несколько иной плоскости!.. – я вновь обратился к Карпову. – ...У кого имеются ключи от данного подвала?

– У меня, как у слесаря, обслуживающего общедомовое оборудование. У электрика!.. – уставившись в потолок, будто на нём имелся некий список, слесарь принялся излагать

известные ему сведения. – ...Один комплект ключей в аварийной службе. Наверно, есть ключи и у старшей по дому!..

– И кто здесь «старшая»?

– Да, хрен её знает? Мы этот дом совсем недавно приняли. Сменилась «управляшка». Потому, ни с кем ещё не успел толком познакомиться. Знаю лишь то, что зовут её Татьяной. Ей около сорока пяти...

– Получается, кто-то из вас троих и убил мужика!.. – я вновь пристально глянул в глаза Карпова. – ...Имею в виду тебя, электрика и ту самую Татьяну!..

– Нет!.. – едва не выкрикнул слесарь. При этом он отшатнулся от меня, как от огня. – ...Я тут вовсе не при делах! У меня вчера выходной был!.. Если хотите знать, то меня и в городе-то вовсе не было. Я ездил с семьёй в деревню, юбилей свояка отмечать. Домой вернулись около шести утра. Я никак не мог!..

– Отчего ж не мог?.. – мне вдруг захотелось поиздеваться над этим незадачливым слесарем. – ...В город ты вернулся в шесть! Часиков в семь прибыл на дом, застал в подвале постороннего. Подрались. Тут-то и ткнул ты его ножичком или отвёрткой. После чего, выбросил оружие убийства, уничтожил улики, немного отдышался и вызвал участкового. По моему, всё сходится.

– Гражданин начальник!.. – взмолился слесарь. – ...Хоть чем могу поклясться, я тут совершенно не причём!.. – при этом лицо Карпова стало абсолютно бледным. Кажется, он

всерьёз перепугался за своё ближайшее будущее.

Глава 2

Общаться с близкими и родственниками погибшего всегда не просто. И, тем не менее, я был обязан задать жене убитого Яроша пару-тройку ключевых вопросов.

В квартиру вдовы вошёл один. Лицо хозяйки выглядело осунувшимся, заплаканным, без намёка на какую-либо косметику.

– У меня осталась дочь!.. – равнодушно приняв мои соболезнования, Лариса нехотя и отчасти совсем уж отчуждённо принялась давать кое-какой комментарий по поводу случившегося. – ...Вчера мы немного посидели на пустыре за домом. Разожгли мангал, приготовили шашлык, выпили... Впрочем, я была в той компании совсем недолго. Поела немного только-только приготовленного мяса и сразу ушла домой. Тогда как вечеринка продолжилась без моего участия.

– По какому поводу выпивали? – я тотчас ухватился за вновь открывшиеся обстоятельства.

– На отчасти стихийный пикничок собрались узким кругом соседей. Решили скромно отпраздновать переход нашего дома в иную управляющую компанию. Точнее, в другую «управляшку» мы перешли более месяца назад. Потому и праздновать нужно было раньше. Однако никак не могли со-

браться: то один в отъезде, то другой занят... В общем, отмечать пришлось с некоторым опозданием.

– Кто именно был вчера в вашем «узком кругу»?

– Все активисты, которые изначально боролись за перевод дома под иное управление. Человек семь-девять. Честно сказать, я не всех знаю по именам. Пожалуй, лишь Оксану и Таню. Татьяна – это наша новая старшая по дому, она живёт на одной с нами лестничной площадке. Именно с ними, в основном общался и Сергей...

И тут Лариса замолчала. На её глазах навернулись крупные слёзы.

– Какие-то предположения есть? Имею в виду, кто мог убить вашего мужа. Быть может, у Сергея имелись некие враги?

– Нет-нет, что вы!.. Только друзья. Ну, разве что, бывшая старшая по дому. Она с Сергеем громко ругались, часто конфликтовали. Эта женщина всегда шла на поводу у старой управляющей компании, подписывая им все необходимые документы, касаемые финансовых расходов на наш дом. Именно она, пожалуй, и была для Сергея настоящим врагом. Вот только женщина эта, уж совсем старая. Вряд ли есть смысл в чём-то её подозревать. Да, и честно сказать, своим врагом её сделали именно мы...

– Кем и где работал ваш супруг?

– На железной дороге, ремонтником в вагонном депо. Невзирая на то, что мы с Сергеем коренные омичи, около

десяти лет наша семья жила под Самарой. У нас там был свой бизнес. Потом... В общем, предприятие пришлось закрыть. Мы вновь перебрались в Омск. Мои родители помогли с квартирой...

– Что за бизнес? Чем именно занимались?

– Небольшая мебельная фабрика. Стулья, табуретки, прихожие.

– Почему вернулись в Омск? Прогорели?

– Нет-нет, не в этом дело. Впрочем, примерно с две тысячи девятого года дела наши пошли на убыль. Потому и свернулись, чтоб не уйти в глубокий финансовый минус.

– Когда именно вернулись в Омск?

– Пять лет назад.

– Лариса, а вот то, что ваш муж не пришёл нынешней ночью домой, не ночевал дома... Это было для Сергея обычным делом? Вы только ничего не подумайте, я просто пытаюсь понять, почему вы сразу не забили тревогу, не начали его поиски?

– Всякое бывало. Но тут-то, вроде бы в своём дворе, все свои... Чего волноваться. Перед тем, как уснуть, примерно в полночь, я слышала, как песни во дворе пели. До моих ушей долетел и голос Сергея. Пару раз просыпалась ночью. Конечно, понимала, что мужа нет дома. Однако посчитала, что заночевал у кого-то из друзей-соседей или всё ещё сидит у костра. А уже утром меня разбудила Татьяна. Ну, та... Я вам о ней рассказывала. Старшая по дому. Она-то и сообщила

мне, что тело...

Очевидно вновь вспомнив о смерти мужа и, возможно, впервые осознав невосполнимую потерю, Лариса дала волю чувствам. Она расплакалась, уткнувшись в носовой платок.

– Позвольте последний вопрос!.. – уж переступив порог квартиры, я остановился. – ...В какой квартире живёт Татьяна?

– В тридцать шестой.

Вместе с Никитиным мы напрямиком отправились в квартиру под номером тридцать шесть. Нас встретила весьма грустная и несколько помятая женщина. Она была в том самом возрасте, когда природа, невзирая на активное сопротивление самих женщин, уж начинала брать своё, когда привлекательная дама уж окончательно и бесповоротно реверсифицируется в русскую бабу. Казалось бы, ещё год назад её можно было принять за старшую сестру дочери, а уже сегодня она больше походит на тётку, сварливую бабку, любительницу посплетничать и помыть соседские кости. И если для мужчины, сорок пять – это возраст рассвета сил, то для большинства представительниц противоположного пола, это тот самый рубеж, когда женская неотразимость и привлекательность, увы, входит в свою завершающую фазу. Они, конечно же, всё ещё прихорашиваются, всё ещё остаются обаятельны, но та незримая черта, после которой возврата нет, уже пройдена.

– Ваше имя? – предъявив своё служебное удостоверение, я обратился к даме, открывшей нам дверь.

– Тимошенко Татьяна Владимировна! – ответила она, жестом приглашая нас войти. При этом я подметил одну, весьма существенную особенность: женщина избегала прямых взглядов. Тех самых, что: глаза в глаза.

– Как я посмотрю: у вас большая квартира? – осматриваясь, я обвёл взглядом новое для меня помещение.

– Да, три комнаты.

– Надо полагать, общей площади не менее ста метров?

– Чуть меньше.

– И с кем же вы, если не секрет проживаете? – без моего внимания не остался достаточно дорогостоящий ремонт и вообще богатый интерьер квартиры.

– С дочерью. Мой муж умер, когда ей было около пяти лет. Живём на пенсию по утере кормильца и на мои подработки. Я занимаюсь репетиторством.

– И как? Успешно? – поинтересовался я в шутку.

– На жизнь хватает!.. – неуверенно повела плечами хозяйка квартиры.

– У погибшего Яроша, квартира по площади примерно такая же?

– Именно так. Правда, дизайн помещений выполнен несколько иначе. Я нанимала бригаду, Сергей делал ремонт своими руками.

– То есть, Яроша вы знаете достаточно хорошо, коль зна-

комы, даже с тонкостями ремонта в его квартире?

– Конечно. Серёга хороший парень, отзывчивый, справедливый. Ведь это он завёл своим энтузиазмом нашу инициативную группу, а потом и весь дом. Потому и удалось нам увести дом из той хреновой управляющей компании, к которой мы ранее относились. Почти два года продолжалась та революция. Сергей всегда был нашим лидером. Тогда как нам отводилась более скромная роль его помощников.

– В таком случае, почему старшим по дому стали именно вы, а не он?

– Я более свободна. Он практически всегда на работе. Ну, и самое главное... Собственником тридцать первой квартиры является вовсе не Сергей, а его супруга, Лариска. Если вы не в курсе, то согласно жилищному кодексу, старший по дому избирается только из числа собственников помещений.

– Итак. Давайте-ка мы вернёмся к событиям вчерашнего вечера. Вы, кажется, провели вечер вместе?..

– Да. Мы немного отдохнули, расслабились. Ничто не обещало столь трагического развития событий.

– Постарайтесь припомнить всех, кто был с вами вчера.

– Да, чего ж тут припоминать. Оксана Данилейко с мужем из восемнадцатой. Эдик Забелин с женой Татьяной из двенадцатой квартиры. Лёшка Полепин из семьдесят восьмой. Антоновы, Наталья с Дмитрием из сорок шестой. Савченко Раиса Ивановна из десятой квартиры. Я и Сергей Ярош с супругой из тридцать первой. Вот, собственно, и все.

– Чья была идея организовать подобную пирушку? Кто покупал продукты, спиртное? – я задал очередной вопрос из чистого любопытства. Потому как не было у меня на тот момент ни одной маломальской версии. Подозревать сразу всех, означало лишь то, что и вовсе не иметь подозреваемого. Потому и цеплялся я сейчас за каждую мелочь, за любой подвернувшийся факт.

– Главными затейниками в нашей компании всегда были Эдик и Сергей. Они уж давно зазывали нас на подобный сабантуй по поводу победы. Однако собрались мы лишь вчера. Вечер был тёплым, безветренным. Впрочем, во вчерашнем мероприятии присутствовала и некая стихийность. Оксана предложила... Кто-то поддержал, кто-то обзвонил... Эдуард съездил за мясом. У него своё предприятие, что-то вроде небольшого колбасного цеха. Сергей с Алексеем сбегали в близлежащий магазин за спиртным...

– Вы были до самого конца вчерашней гулянки?

– Нет!.. – быстро ответила Татьяна. Однако чуть задумавшись, добавила. – ...Лариса покинула вечеринку первой. Было это около половины десятого. Она ушла вместе с Раисой Ивановной. Чуть позже домой отправились Антоновы. Вначале двенадцатого, наш небольшой коллектив покинули Оксана и Сашка Данилейко из восемнадцатой. Ну, и вслед за ними потянулась домой уже я.

– То есть, после вашего ухода, у мангала остались лишь четверо. Имею в виду убитого Яроша, Алексея Полепина, а

так же Забелиных, Эдуарда с Татьяной?

– Именно так! – утвердительно кивнула Тимошенко.

– Ничего странного вы вчера не заметили? Быть может, кто-то поссорился, поругался, пусть и случайно, но бросил в адрес кого-либо из присутствующих, неприятное, неуважительное слово? Всё ж люди были выпившими, всякое могло произойти. Кстати, вы лично много вчера употребили?..

– Выпили хорошо!.. – чуть ухмыльнулась Татьяна. – ... По крайней мере, недостатка в спиртном у нас точно не было. При этом все вели себя достаточно пристойно. Ну, разве что, ближе к ночи, Сергея несколько развезло. Он начал говорить какие-то глупости... Впрочем, нет-нет... Всё было в рамках приличия. Да, и как иначе? Ведь на протяжении последних двух лет мы, по сути, были единомышленниками. По крайней мере, я ничего такого не заметила.

– Татьяна Владимировна, у вас есть ключ от подвала?

Я задал вопрос, к которому Тимошенко, кажется, была совершенно не готова. Лицо её побледнело. Если ранее глаза дамы просто блуждали по комнате, опасаясь встретиться с моим взглядом, то теперь она и вовсе отвела их в сторону.

– Ранее, ключи у меня были!.. Однако, мне они вовсе ни к чему!.. – наконец-то, ответила она чуть уклончиво.

– Кто вообще, имеет доступ в подвал?

– Ключи в управляющей компании! – вновь сухо и весьма неконкретно ответила Тимошенко.

– А ещё у кого они могли быть?

– Трудно сказать. Дело в том, что замки от всех служебных помещений, после прошлой управляющей компании, нам пришлось срезать. Заменой замков занимался Серёжа вместе со слесарями. Большую часть ключей он отдал в новую «управляшку». Ведь именно она будет обслуживать наш дом. Какие-то ключи он, конечно же, оставил... Ведь мы должны были как-то контролировать работу компании.

– Заодно и складировать в подвале картошку и прочий хлам! – съязвил Семён Никитин.

– Да. В том числе и для этого!.. – в достаточно резкой форме ответила ему Тимошенко. – ...Это наш дом!.. Как хотим, так им и распоряжаемся. В общем, Сергей мог передать ключи кому-то ещё. За данным процессом я вовсе не следила. Тем более что в нашем доме три входа в подвальные помещения...

Покинув тридцать шестую квартиру, мы попытались попасть в те самые квартиры, о которых ранее упоминала Тимошенко. Мне не терпелось побеседовать с каждым, кто имел, хоть какое-то отношение к вчерашней пьянке. При этом в домашних стенах нам удалось застать практически всех фигурантов, за самым малым исключением.

Двери лишь одной, семьдесят восьмой квартиры, так никто и не открыл. Тогда как в квартире под номером двенадцать нам удалось пообщаться лишь с её хозяйкой, Татьяной Забелиной. Однако к этому самому разговору мы вернёмся

несколько позже, потому как ранее нам удалось встретиться со всеми остальными участниками вчерашнего торжества, имевшего столь печальные последствия.

Оксане и Дмитрию Данилейко было около тридцати. Квартира трёхкомнатная, практически такая же, как у Тимошенко и погибшего Яроша. Хозяйка оказалась достаточно общительной дамой, в то время как её супруг, сославшись на занятость, предпочёл увильнуть от каких-либо расспросов. Тем не менее, кроме излишней болтливости, никакими иными качествами (имею в виду интеллект, рассудительность, логика и так далее) Оксана вовсе не обладала. Полная пустышка. Некая формация новых людей, воспитанных интернетом и многочисленными социальными сетями в духе неразборчивого потребительства.

В отличие от худощавой Оксаны из восемнадцатой, её ровесница Наталья Антонова, хозяйка сорок шестой квартиры, выглядела неимоверно тучной женщиной. В её двухкомнатной квартире, был полный беспорядок и кавардак. Похоже, дама уж давно перестала следить как за порядком в своём жилище, так и за собой, пустив всё на самотёк. Дабы завершить портрет Антоновой, пожалуй, можно отметить ещё и то, что интеллектуальные способности данной персоны, были гораздо ниже ранее означенной Оксаны. Типичная базарная баба, которую можно встретить на лавочке практически у каждого подъезда. Дескать, всё мы знаем, по любому поводу дадим совет и не более.

Раиса Ивановна Савченко, собственница десятой квартиры, несколько отличалась от ранее описанных женских персонажей. Однако здесь, наверное, следует говорить не о каком-либо уровне знаний или способности мышления, а скорее о более богатом жизненном опыте. Ведь Раисе Ивановне было далеко за шестьдесят. Она уже знала, где следует промолчать. То есть, не говорить там, где не было в том необходимости. Либо напротив, привести некий наглядный пример из своей личной жизни. В общем, произвести на собеседника наилучшее впечатление.

В каждой из трёх вышеназванных квартир, я задавал практически одни и те же вопросы. Интересовался поводом вчерашнего праздника, кто присутствовал на том мероприятии, о чём говорили, в какое время разошлись, когда и при каких обстоятельствах в последний раз видели убитого Яроша. При этом я получал, как под копирку, идентичные ответы. Чего в тех ответах было больше, единого видения ситуации или общего, едва ли не стадного вектора мышления, мне было, вовсе не понятно. Не исключал я и того, что в ответах присутствовал и некий фактор предварительного сговора.

Опрашиваемые в один голос утверждали, будто бы все они большие друзья и единомышленники. Потому, дескать, и не могло быть между ними каких-то разногласий или ссор. Ну, а пьянка, она и есть пьянка. Тут все разговоры как бы ни о чём. Вспоминали, как начинали борьбу с ненавистной управляющей компанией. Много ржали, когда Эдуард с Сер-

геем травили анекдоты. Дамы припомнили, как участники вчерашнего пикника иногда расходились по группам, о чём-то секретничали, что-то обсуждали. Однако все «тёрки» были абсолютно безобидны, вытекали из общей канвы праздника. Ну, прямо, сама идиллия.

Слушая воспоминания о вчерашней гулянке, я невольно ловил себя на весьма интересной мысли. Все опрашиваемые говорили преимущественно о какой-то чрезмерной коллективной активности, борьбе и прочем. Складывалось полное ощущение, будто бы я вновь вернулся в свою комсомольскую юность. Ну, типа: «вихри враждебные веют над нами!.. В бой роковой мы вступили с врагами!..»

При этом полное отсутствие разговоров о чём-то более приземлённом. Никаких бытовых вопросов, как и ничего личного. А ведь сегодняшней ночью погиб их сосед, друг, товарищ, в конце концов, лидер. А в их пересудах ни капли сострадания, чувства горя, соболезнования или сопереживания. Такое ощущение, будто бы им хорошенько промыли мозги; преднамеренно впихав в их разум идею борьбы с извечным злом, выдавив оттуда повседневные житейские проблемы и радости.

Впрочем, о самом погибшем опрашиваемые отзывались в исключительно положительных тонах. Признаться, в чём-то я даже позавидовал этому парню. В его-то сорок лет, и такое уважение среди соседей. Однако я помнил ещё и о том, что о покойниках принято говорить: либо хорошо, либо... Ну,

вы меня поняли.

Примерно в том же ключе прошла беседа и с Татьяной Забелиной, о которой я упомянул ранее. Правда, в отличие от моих прошлых собеседников, Татьяна, покинувшая место вчерашней пирушки в числе последних, неожиданно вспомнила о том, как перед самым её уходом, к ребятам, оставшимся на пустыре, вдруг присоединился ещё один активист из соседнего дома, некто Сергей Цокотухин.

По словам Забелиной, этот самый Цокотухин на протяжении последней пары лет, и являлся духовным вдохновителем Сергея Яроша в борьбе с «нехорошей» управляющей компанией. Все активисты тринадцатого дома прекрасно знали Цокотухина, как бунтаря и борца за справедливость. Он пользовался не меньшим авторитетом и популярностью, нежели погибший Ярош.

В общем, согласно повествованию хозяйки двенадцатой квартиры, на зелёном пустыре за их домом, после полуночи осталось лишь четверо. Её муж, Эдуард Забелин; Алексей Полепин; вышеозначенный Сергей Цокотухин и убитый Сергей Ярош.

– Когда вернулся ваш муж?

– Что-то около двух часов ночи. Когда я проснулась утром, он уж успел уехать на работу. Потому и не успела я расспросить Эда о том, когда и чем всё закончилось...

Глава 3

– Ну, что, парень? Какие будут версии? – я обратился к своему молодому напарнику, когда мы с Семёном вышли из душного подъезда на свежий воздух.

– Да, какие тут могут быть версии?.. Обычная бытовуха!.. – потягиваясь и разминая свои суставы, ответил Никитин. Похоже, он успел прилично заскучать. – ...Напились, подрались... А там и до поножовщины недалеко. Необходимо колоть ту троицу, что осталась на пустыре последней.

– Согласен! – я утвердительно кивнул головой.

– Правда, имеется и некоторая несостыковочка!.. – чуть задумавшись, вдруг добавил Семён.

– Что ты имеешь в виду?

– Сбитые костяшки на руках погибшего! Как-то странно... Если б меня били и силой тащили в подвал, я бы в первую очередь попытался заехать кому-нибудь в харю, а не лупцевать подвальные стены!..

– У меня в молодости был достаточно забавный случай, несколько схожий с подобной ситуацией!.. – я вдруг припомнил кое-что из своей молодости. – ...Как-то мы засиделись допоздна в чисто мужской компании. Не помню, что праздновали. В памяти осталось лишь то, что была зима, и мы бухали в одной из комнат малосемейного общежития. Все му-

жики были свои, из нашего отдела. В те времена служил у нас опером Артур (фамилию его уж и не припомню), мастер спорта по боксу. Он был старше меня года на четыре; выше меня, едва ли, не на голову; и самое главное, гораздо здоровее.

И надо ж было такому случиться, чтобы там, в этой самой малосемейки, мы с Артуром повздорили. И не просто поругались, а всерьёз сцепились, готовые доказать свою правоту силой. Выпили мы к тому времени весьма прилично, потому очевидно и был я бесстрашен. Вышли на разборки в длинный коридор того самого малосемейного дома. Помню, как началась драка, как в мою сторону полетели огромные кулаки Артура, круша на своём пути абсолютно всё...

Именно с этими воспоминаниями я и проснулся среди ночи в абсолютной темноте. Никакой боли я не испытывал, потому и предположил, что очнулся на том свете. Ведь я помнил, в каком Артур был бешенстве, он просто обязан был меня прибить. Начал припоминать, что было потом, попутно ощупывая своё лицо, на предмет переломов челюстно-лицевых костей. Вроде бы всё цело и на месте.

Утром пришёл в отдел. Артура на рабочем месте ещё не было.

Чуть опережая события, могу сказать о том, что Артур так же проснулся среди ночи и помнил он вчерашний поздний вечер, примерно до того самого момента, что и я. То есть, как мы вышли в коридор малосемейки... При этом, глянув

на свои кулаки, он нашёл их сплошь разбитыми в кровь. Тут-то Артур и подумал о том, что он меня наверняка убил. По этой самой причине и опасался Артур появиться в отделе.

В действительности дело обстояло примерно так. Мы действительно затеяли драку. Артур молотил своими кулачищами наотмашь, пытаясь попасть мне в голову. В то время как я просто отступал назад, его кулаки крушили стены узкого коридора, то справа, то слева. И так мы прошли метров тридцать, пока мой соперник не выдохся...

Короче, мне повезло с тем, что Артур был в сильном подпитии. А вот ему не очень. Мой «спарринг» сломал четыре фаланги пальцев, а позже ему ещё и пришлось восстанавливать повреждённую штукатурку в том самом коридоре мало-семейки.

Вот такая идиотская история произошла со мной, когда я был «вечно молодым, вечно пьяным»... Ну а теперь, самое время вернуться к нашему текущему делу.

Сейчас я отправлюсь по основному месту работы Яроша, кроме того отработаю кое-какие родственные связи. А ты, Семён, пробей всех фигурантов данного дела по нашим базам. Кроме того, отправь-ка ты ещё и запрос в Самару, где у Яроша имелся свой бизнес. Что-то подсказывает мне, что криминальный след может запросто тянуться именно с тех краёв.

– Как прикажете, Николай Михайлович!..

Возвращаясь домой, я всё продолжал и продолжал мысленно прокручивать полученную накануне информацию.

«Жаль, конечно, парнишку!.. Так глупо и нелепо погиб! При этом под моё подозрение вдруг попали именно те, кто был ему, по сути, ближе всего. Общаясь с соседями-друзьями, на уровне некоего внутреннего автоматизма, я невольно видел в каждом из них потенциального убийцу. А ведь они, вполне нормальные ребята, обычные граждане, рядовые россияне. Ну, разве что, с более активной жизненной позицией. Эти самые активисты искренне бились за свой дом, верили в свой успех. И, в общем-то, данные смельчаки сумели отстоять свою позицию, а значит и благополучие своего дома. Ведь если разобраться, что могло подвигнуть друзей, объединённых одной общей идеей на кровавую разборку, на откровенную поножовщину? Ладно бы проиграли... В этом случае можно запросто иметь в виду обиду, досаду, поиски крайнего. Так нет. Они выиграли!.. Попробовать списать убийство на алкоголь? Нет-нет!.. Это ж сколько нужно выпить? Впрочем, данная версия вполне может иметь под собой реальную почву. Под воздействием спиртного, подчас может так снести башку, что режут не только друзей, но и своих ближайших родственников!.. Тем не менее, мне вовсе не хочется верить в причастность единомышленников к смерти Яроша. Быть может, именно поэтому я и пытаюсь найти убийцу на стороне. Где-то в Самаре, по иному месту жительства или месту работы!..

Кстати, о месте работы. Побывал я сегодня в депо, общался с коллегами убитого. В общем-то, отзывы оказались положительными. За пару лет работы, никаких нареканий и взысканий. Лишь пара человек (и то, как-то вскользь) нелестно отозвались о некоторой неадекватности погибшего. Дескать, парень сам себе на уме. Однако данное, личное мнение, общей картины вовсе не изменило. Характеризирующие данные в подавляющем большинстве положительные...»

Уже в лифте своего подъезда я вдруг столкнулся с молодым человеком. По возрасту, ему было лет двадцать, не более. Худошавый, угловатый, в застиранной футболке, с растрёпанными и неухоженными волосами. Помнится, моя первая мысль была о том, что этот парень, наверняка не служил в армии. Уж там бы его «причесали». После школы или простенького училища он, скорее всего, нигде не работал и не учился. Типичный бездельник, сидевший на шее у своих родителей. В общем, никакого доверия данный тип во мне не вызвал.

Меж тем, юноша не упустил случая со мной заговорить в весьма фривольной манере.

– Мужчина, вы в нашем доме живёте?

– Ну, а сам-то как думаешь? – усмехнулся я, покручивая в своих руках связку ключей.

– Если это так, то вы должны вступить в нашу закрытую

группу в Вайбере.

– «В Вайбере» – это что? – мне пришлось включить дурака, дабы узнать, чем именно живёт нынешняя молодёжь.

– Вайбер – это приложение для смартфонов! Через него можно совершать видео и голосовые звонки. В общем, у нас там своя группа. Мы общаемся, обсуждаем всякие темы, касаемо нашего дома!

– Кажется, ты ранее упомянул о закрытости вашей группы?

– Закрытая от управляющей компании, которая «рулит» нашим домом! Чтоб не мешали нам свободно общаться, обсуждать смену «управляшки»!..

– А что, собственно, вам не нравится в нынешней управляющей компании? Лично меня, как будто бы, всё в доме устраивает!

– Так ведь они воруют!..

– В таком случае, пиши заявление в полицию.

– Зачем, куда-то писать? Проще провести собрание и выбрать другую... Ту, у которой будет прозрачная финансовая отчётность.

– Парень, тебя как зовут? – я в упор глянул ему в глаза. И он этот тяжёлый взгляд, вроде бы, выдержал.

– Григорием! Вот возьмите листовку!.. – парень протянул мне листок формата А4, с мелко отпечатанным шрифтом. – ...Почитайте, и вам всё станет понятно.

– Хорошо, как-нибудь посмотрю!.. – ответил я и вышел из

лифта на необходимом мне этаже.

Мой собеседник поехал дальше. Лицо его выражало удовлетворение от произведённого на меня эффекта.

«Молодой, потому и глупый!»

Признаться, я был весьма далёк от таких понятий, как «коммунальные войны», о которых то и дело вещали средства массовой информации. По мнению СМИ, во всех бедах на Руси были виновны «ресурсники» и «коммунальщики». А по мне, так вода, тепло и электричество в квартире есть; двор, подъезд убирают – вот и хорошо! Ну, а что ещё нужно? Однако уголовное дело, которым я нынче занимался, так или иначе, заставило меня обратить самое пристальное внимание на данную тему. Ко всему прочему, ещё и этот активист, подвернувшийся в лифте.

Сразу после холостяцкого ужина я вышел из душевной квартиры на лоджию. Солнце уже зашло за соседние дома, так что сейчас здесь было довольно-таки комфортно. Потому и мог я в спокойной и непринуждённой обстановке ознакомиться с переданной мне в лифте петицией, подготовленной от лица некой инициативной группы дома. Именно так, без каких-либо имён, фамилий и номеров квартир.

Быстренько пробежав по тексту, я сразу понял её общий смысл. В моих руках оказалась листовка с призывом немедленно отказаться от нынешней управляющей компании. В качестве решающего аргумента приводились следующие факты: дом сыпется, в квартирах развелись тараканы, в

подъездах уж три года не делается ремонт, дырявая кровля, в подвале бардак и полная антисанитария. Единственная панацея от всех этих бед – переход в иную компанию, которая наверняка сделает наш дом, ну, просто шоколадным. Причём, сделает тот «шоколад» в самом ближайшем времени.

С высоты своего этажа я осмотрел двор. Вроде бы чистый, аккуратный, всё покрашено, подметено.

«При этом, вовсе неизвестно, что твориться внутри технических помещений. Ведь в своей повседневной жизни я вижу лишь внешнюю сторону, так сказать: обёртку нашей многоэтажки. Быть может, ребята правы. Они молодые, шустрые, во всё вникают, и, пожалуй, действительно пекутся о судьбе дома. Молодцы ребята! В отличие от своих сверстников, они наверняка не пьют, не колются, не болтаются без дела по всяким там барам и дискотекам, а занимаются общественно полезным делом. Наверное, зря я косо и с некоторым недоверием посмотрел давеча на того парнишку в лифте. Похоже, он был вовсе не бездельником!...»

Глава 4

Обычно я прихожу в отдел, едва ли не первым. Данная привычка выработалась у меня ещё в молодости. Когда ты на рабочем месте один, да ещё и на свежую голову, то мысли как-то сами собой выстраиваются в некую логическую цепочку. При этом достаточно легко ставятся задачи на текущий рабочий день. В общем, когда в отдел начинают подтягиваться коллеги, я уже чётко знаю, чем ныне займусь, и на что мне следует обратить самое пристальное внимание.

Однако этим утром меня опередил мой молодой напарник. Более того, он ждал меня в некоем предвкушении. Похоже, у Семёна имелась очень важная (опять же, по его личному мнению) информация, которой ему и не терпелось поделиться.

– Ну, давай-давай, докладывай! Чего интересного успел нарыть? – поинтересовался я, усаживаясь за свой рабочий стол.

– Николай Михайлович, по вашему распоряжению, я отправил вчера запросы, и уже сегодня была получена официальная информация по всем фигурантам вчерашнего убийства. Имею в виду тех, кто выпивал вместе с убитым Ярошом.

– Понял я, понял!.. Ты б поскорее переходил к конкрети-

ке!

– Всё, всё! Уже перехожу!.. – взяв в руки какие-то бумаги, Никитин продолжил. – ...Итак, если вы помните, то в пикнике, после которой и было найдено тело Яроша, участвовали жильцы шести квартир. Так вот, собственники четырёх из них значатся в наших картотеках. Более того, они не просто значатся, данные граждане проходили по конкретным уголовным дел. Начну по порядку.

Собственник квартиры семьдесят восемь Полепин, имеет пять судимостей: кража, угон автомобиля, наркотики... Бывший муж Тимошенко... Той самой Татьяны, старшей по дому! Так вот, её бывший муж, Андрей Тимошенко (кличка Тимоха) в своё время являлся лидером организованной преступной группировки. Был убит в две тысячи четвёртом году в одной из криминальных разборок. Собственница десятой квартиры, Савченко Раиса Ивановна, оказалась дважды судимой за растрату и мошенничество. Первый раз осуждена условно, во второй, получила реальный срок, пять лет. Скрывалась от правоохранительных органов, объявлялась в федеральный розыск.

Татьяна Забелина из двенадцатой квартиры, трижды меняла фамилию: Иванова, Берг, Истомина, теперь Забелина. Трижды была под следствием за мошенничество. В настоящее время имеет условный срок. Её муж, бывший предприниматель. На нём числится порядка восьми непогашенных кредитов. Общая сумма задолженности перед банками око-

ло трёх миллионов. В настоящее время под следствием. Пытаются оформить в отношении себя процедуру банкротства.

– Так ведь у них трёхкомнатная квартира!.. – я, было, попытался что-то возразить. – ...То есть, имеется реальная возможность взыскания!

Однако Семён успел меня опередить.

– Не так-то всё здесь и просто!.. Официально, у Забелиных в собственности нет ни квартир, ни машин, ни колбасного цеха! Всё вышеперечисленное оформлено на отца Эдуарда Забелина. Потому и не пугает этих ребят ни банкротство, ни суды, ни конфискация!..

– При желании, у каждого из нас, можно отыскать в прошлом какие-то грешки. Каких глупостей мы по молодости только не совершаем!.. – мне по-прежнему не верилось в то, что группа смелых общественников, хоть как-то могла быть причастны к убийству своего лидера. – ...Ты с Самарой связался?..

Не успел я полностью сформулировать свой вопрос, как в наш кабинет вошёл Никита Толстов, тот самый криминалист, что осматривал тело убитого Яроша.

– Ребята, помните старый советский фильм «Мимино»?.. Один из главных героев той картины говорил примерно так: ты только не обижайся, но я тебе один умный вещь скажу!.. Вот и я, Николай Михайлович, хочу сказать тебе один умный вещь. Вскрытие трупа с подвала тринадцатого дома и последующие анализы показали, что перед тем как Ярош был убит

острым предметом, вначале его ещё и отравили. Похоже, он мучился в неких предсмертных конвульсиях (быть может, бился головой о стену), когда его добили, пырнув ножичком!..

– Отравлен?.. – переспросил я, требуя необходимых пояснений.

– Именно так! В организме обнаружено большое содержание метилового спирта. Отравили или сам отравился, а уж после, его и порешили острым предметом. Меж тем, смерть Яроша наступила именно от проникающего ранения в область сердца.

Метиловый спирт по внешнему виду, запаху и вкусу практически ничем не отличается от этанола. Но для летального исхода достаточно лишь тридцати – пятидесяти миллилитров метила. Вспомните недавнюю массовую гибель людей от настойки «Боярышника», содержащего именно тот самый метанол!..

– Не понимаю, зачем нужно было травить и одновременно резать?.. – на сей раз поинтересовался уже мой напарник. – ...Ведь он, и без того, уж был обречён!

– Кто-нибудь помнит, как убивали Григория Распутина?.. – усмехнулся в ответ Толстов. – ...Вначале, его поили отравленным вином, кормили отравленными пирожными, потом в него стреляли. При этом смерть Распутина наступила лишь после того, как тело Григория опустили в прорубь. То есть, если быть педантичным, он попросту утонул.

Очевидно, убийца не был уверен в дозировке метилового спирта, либо парень оказался чересчур живуч!..

– Либо убийц было двое!.. – в некоторой задумчивости, я дополнил предположение криминалиста. – ...Причём, действовали те душегубы каждый сам по себе, вовсе не подозревая о планах друг друга!..

Признаться, новости, посыпавшиеся с самого утра, как из рога изобилия, меня порядком ошарашили. Они сбили мне все карты, потому и ранее выдвинутые мной предположения, полетели к чертям собачьим.

– Семён, бери опергруппу и тащи на допрос всех!.. Имею в виду Забелина, Полепина и того же Цокотухина. То есть, тех, кто последним видел Яроша живым. Устроим-ка мы им очную ставку!.. – после чего я обернулся уже к Толстову. – ...Никита, отправляйся и ты вместе с Никитиным. В связи с вновь открывшимися обстоятельствами, связанными с гибелью Яроша, по-моему, необходимо повторно произвести осмотр места преступления на предмет поиска бутылки, стакана, посуды с остатками яда. Короче всё, что сможете там отыскать...

«Не бывает простых уголовных дел, каждое дело по-своему сложно!.. – размышлял я, оставшись в рабочем кабинете в полном одиночестве. – ...По молодости лет, меня отчасти выручало везение, некий счастливый случай, опреде-

лённый фарт. Как-то легко мне удавалось раскрывать подчас довольно-таки запутанные дела. Чуть позже, я мог полагаться на своё упорство, целеустремлённость, молодецкую удаль. Меня подстёгивал азарт, захватывал сам процесс раскрытия преступления. Ну, а теперь главным моим союзником был лишь опыт. Каждый раз, оглядываясь назад, отчётливо понимаешь, что когда-то ты уже сталкивался с нечто подобным, о чём-то схожем где-то слышал. Ну, а далее выстраивались некоторые аналогии. На уровне подсознания начинали созревать определённые версии. Одна из которых, в обязательном порядке, и будет ключом к раскрытию текущего преступления.

На сей раз, мой былой опыт отчасти меня подводил. Едва я успел настроиться на одну волну, как на смену ей пришла ещё одна, абсолютно меняющая все предыдущие расклады. Впрочем, так, наверное, и должно быть. Потому как тяжело найти ответ в задаче, условия которой каждый раз меняются. Что ж, будем надеяться на то, что сегодня всё встанет по своим местам. Учитывая новые факты, допросы будут более продуктивны, и уже к вечеру я должен иметь отчасти ясную картину!...»

Никитин вернулся в отдел примерно через пару часов. Сообщил о том, что в подвале злополучного тринадцатого дома была действительно обнаружена пустая бутылка из-под водки. На пустыре за домом, отыскивали ещё пару пузырей и

несколько одноразовых стаканчиков. Прочие остатки пикника, по всей видимости, ещё накануне убрал дворник. Мусорные контейнеры успели очистить и вывести мусор на свалку.

– Водочная бутылка валялась примерно в двадцати метрах от обнаруженного трупа!.. – пояснил Семён. – ...Она могла быть и вовсе никоим образом не связанна с нашим преступлением, если б не одно «но»!.. Именно в этой самой бутылке, экспертами и были обнаружены останки метила. Того самого вещества, которым и был ранее отравлен Ярош!..

Первым в отдел доставили Цокотухина.

– По какому праву я был арестован?.. – едва ли не с порога заявил тот сорокалетний мужчина. – ...За нарушение моих законных прав, я вас тут всех засужу!..

– Сергей Николаевич, вы вовсе не арестованы!.. И даже не задержаны!.. – мне с трудом удавалось сохранить видимое хладнокровие. – ...Вас доставили для проведения допроса. На данный момент в качестве свидетеля по делу об убийстве гражданина Яроша. Между прочим, вашего друга!..

– Что значит «на данный момент»?.. – Цокотухин ухмыльнулся в некоем презрении. – ...Не уж-то, вы в серьёз собираетесь пришить мне данную «мокруху»?

– Слушай, орёл!.. Ты чего такой борзый? – мне пришлось повысить голос, дабы урезонить нагловатого свидетеля. В принципе, я был готов общаться с ним вполне лояльно. Однако он сам, своим хамоватым поведением, заставил меня

перейти на совершенно иной уровень общения.

– Я не борзый, я уверенный!.. Уверенный в своих гражданских правах. К тому же, мне прекрасно известны ваши полномочия и методы работы!..

– Ты что ж, имеешь юридическое образование? – поинтересовался я, едва сдерживая подкатившую усмешку.

– О том, что во время допроса, мне положен адвокат, во все не обязательно иметь диплом юриста!.. – Цокотухин продолжил кривляться и ёрничать.

– Дежурный!.. – открыв дверь кабинета, я зычно выкрикнул в коридор. – ...Увести подозреваемого!.. – после чего, я вновь обернулся к доставленному в отдел. – ...Сейчас тебя отведут в камеру. Надеюсь, ты знаешь, на какой срок я имею право тебя задержать?

– Эй-эй!.. Обождите!.. Не надо камеры!.. – всполошился Цокотухин. – ...Я готов ответить на все ваши вопросы!

Далее, диалог продолжился в более и менее продуктивном русле. При этом опрашиваемый, по-прежнему пытался быть дерзким и вести себя крайне вызывающе, чем окончательно оставил во мне самое негативное о нём впечатление. Скорее всего, именно таким паскудным и был у него характер.

– Я присоединился к пирушке достаточно поздно!.. – вальяжно развалившись на стуле, Цокотухин смотрел на меня с полным пренебрежением. – ...Ярош приглашал меня к началу алкогольного мероприятия, однако освободился я лишь ближе к одиннадцати часам вечера...

– Чем же, если не секрет, ты был занят в выходной день?

– У меня много общественной работы. К примеру, я организую инициативные группы в нашем микрорайоне. Кроме того, по месту своей службы я значусь общественным контролёром. Выезжаю то на одну, то на другую станцию. Слежу за трудовой дисциплиной, соблюдением правил техники безопасности и прочим порядком. За те сорок минут, что я добираюсь до места работы, я ещё и успеваю в режиме онлайн написать три-четыре жалобы в жилищную инспекцию, в Прокуратуру, в ту или иную Администрацию!..

– Зачем тебе это?

– Не могу спокойно смотреть на бардак и разгильдяйство!.. – достаточно уверенно ответил Цокотухин. Меж тем, я успел уловить в его взгляде с прищуром и определённую долю лицемерия.

– Какие взаимоотношения у тебя были с погибшим Ярошем? Имею в виду возможные конфликты!..

– Да вы что?.. – Цокотухин оборвал меня на полуслове. – ...Об этом не может быть и речи. Мы друзья. Пусть и работали в разных подразделениях, а всё ж на одном предприятии. На родимой железной дороге!

– Кто был на пустыре, когда ты присоединился к той злополучной пьянке?

– Почему вы называете «пьянкой» искреннее выражение человеческих чувств? У людей радость, они добились того, к чему стремились на протяжении последних двух лет!

– Ты прекрасно понял, о чём я тебя спрашиваю, а уж как мы назовём то злоупотребление алкоголем, вопрос вовсе не имеющий отношение к убийству твоего, как ты сам выразился: другана.

– Ладно, понял!.. На пустырь за тринадцатым домом я прибыл, по сути, к шапочному разбору. Практически все уже разошлись. Те же, кто остался, были в приличном подпитии. Кто был?.. Серёга Ярош, Лёшка Полепин и Эдуард Забелин. Да, собственно, я и провёл с парнями не более часа. Поздравил, произнёс пару тостов. Когда ж к компании присоединилась Татьяна Тимошенко, я и вовсе поспешил покинуть пустырь.

– Стоп!.. – последняя фраза Цокотухина заставила меня встрепенуться. – ...Татьяна вернулась? Я не ослышался?.. Припомни, в котором часу это было?

– Около полуночи.

– Точнее!

– В половине первого ночи!..

«Цокотухин, конечно же, мог и приврать о том, что Тимошенко вернулась!.. – размышлял я после окончания беседы с крайне циничным типом. – ...Ведь никто иной о возвращении Тимошенко ранее и словом не обмолвился. А впрочем, о данном факте никто не вспомнил лишь потому, что об этом я их вовсе не спрашивал. Не уж-то старею?..

Нет-нет, ни в этом дело. Если припомнить, то все мои предыдущие расспросы оканчивались тем, что на пустыре

остались лишь трое: Ярош, Забелин и Полепин. Причём, ни с одним из этой троицы, я ещё не успел пообщаться, потому и не мог знать о том, что Татьяна вернулась. Ну, ничего!.. Прямо сейчас, данный пробел мы, похоже, и сумеем ликвидировать!..»

– Николай Михайлович, в отдел доставлены Забелин и Полепин! – доложил Никитин, едва я успел перепоручить Цокотухина одному из свободных оперов для «откатки» отпечатков пальцев подозреваемого. В последствие тот же опер мог запросто за Цокотухиным и присмотреть.

– Тащи Забелина!.. – распорядился я, после чего добавил. – ...Сёма, ну, а ты пока срочно разыщи Татьяну Тимошенко, собственницу тридцать шестой квартиры!..

Эдуард Забелин оказался мужичком несколько грубым. И если Цокотухин вёл себя на допросе в определённой степени дерзко, потому как начитался в интернете достаточное количество юридических статей и имел хоть какое-то представление о своих правах, то мой нынешний собеседник, подобными знаниями вовсе не обладал. Главным фактором здесь выступал вовсе не паскудный характер, таковым было воспитание Забелина. В его речи и поведении сквозила полная вседозволенность, отсутствие хоть каких-то тормозов, этических и общечеловеческих норм. Помните, как у Маяковского: вырастит из сына свин, если сын свинёнок. Причина, наверняка, лежала в области чрезмерной избалованности,

в родительском безразличии, отсутствии детских ограничений, а так же адекватного наказания за совершённые проступки. Потому и вёл он себя нарочито надменно, дескать, я пуп земли, а ты, урод, не пойми кто. Потому и мне вновь понадобилось какое-то время, дабы урезонить и этого субчика. Когда ж речь зашла о немислимых, трёхмиллионных долгах, Забелин принялся плакаться о тяжких временах, о повальной российской нищете и прочих проблемах своего малого бизнеса.

– Скажи, как ты попал в активисты?.. – поинтересовался я с некоторым лукавством. – ...Из нашей нынешней беседы у меня сложилось стойкое ощущение, будто бы тебе глубоко наплевать на какую-то там общественную работу! Могу поспорить на ящик коньяка, что ты ни разу в жизни не перевёл через дорогу старушку, не посадил дерево, не сколотил ни единого скворечника!

– На хер бы мне, всё это было надо? – ответил Забелин в привычной для себя манере.

– Вот и я о том же!.. С чего это вдруг, ты попал в компанию к людям, с активной жизненной позицией?

– Обиделся на управляющую компанию, потому и решил её сменить. Такой ответ вас устроит?

– На что именно обиделся? – уточнил я.

– Не успел, понимаешь, заехать в новую квартиру, а мне уж давай слать квитанции. Причём, с каждой новой платёжкой всё большая и большая сумма. А потом, ещё и судом,

всевозможными взысканиями принялись пугать!..

– А ты платить, как я понял, вовсе не любишь! – улучив короткую паузу, я улыбнулся.

– Да, причём здесь: любишь, не любишь?.. Вы дайте человеку сделать нормальный ремонт, купить мебель, обстановку, чтоб он жить начал по-человечески, а уж потом и требуйте квартплату. Или я не прав? Ведь благополучие общества, зависит от благополучия каждого из нас!.. В принципе, я бы и тут не особо возникал. Пугают, да и пусть себе пугают. Долг копиться, ну, и пусть себе копиться. А вот когда с отцовской карты судебные приставы вдруг сняли приличную сумму... Забыл сказать о том, что наша квартира оформлена на моего отца, на старого человека, ветерана труда. Уж тут я не выдержал!..

– Не уж-то надеешься, что новая управляющая компания все былые долги с тебя спишет?

– А чем чёрт не шутит!.. Из любой смуты, умный человек всегда сумеет извлечь выгоду!

– Ладно, умный человек!.. Спорить с тобой я не стану!.. – данный разговор, когда откровенное хамло строит из себя невесть что, когда абсолютное ничтожество только и делает, что красуется перед тобой... В общем, всё это мне порядком надоело. Потому и перешёл я к насущному. – ...Лучше скажи: какой алкоголь вы пили, в роковой для Яроша вечер?

– Пили всё, что горит! – разулыбался Забелин.

– А конкретнее!

- Шампанское, мартини, виски, какое-то сухое вино, пиво!.. Ну, и конечно водку! Куда ж без неё, родимой?
- Спиртное, насколько я понял, покупал Ярош?
- Именно так!
- Вы пили исключительно лишь то, что было куплено Ярошом?.. Или пришлось бегать в магазин, дабы догнаться?
- Нет-нет!.. Мы сразу затарились под завязку. Денег-то было полно!.. – и тут Забелин осёкся. – ...Короче, при мне никто никуда не бегал. Быть может, после того, как я ушёл!..
- А ты когда покинул пустырь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.